ШПИОНСКИЙ
РОМАН
Арсений Замостьянов
Майор
Пронин
против
ВРАГОВ НАРОДА

Арсений Замостьянов

Майор Пронин против врагов народа

«Яуза»

Замостьянов А. А.

Майор Пронин против врагов народа / А. А. Замостьянов — «Яуза»,

К показу на телеканале «Россия» сериала «Шпионский роман»! ГЛАВНАЯ ПРЕМЬЕРА СЕЗОНА! Советские спецслужбы против иностранных разведок. Новые приключения легендарного контрразведчика Сталинской эпохи майора Пронина, вдохновившего Бориса Акунина на создание его «Шпионского романа» и одноименного телесериала. Шпионский боевик в лучших традициях жанра! Только что закончилась Великая Отечественная война, но на «невидимом фронте» перемирий не бывает. Английские агенты совместно с эстонскими нацистами готовят теракт во время джазового концерта Леонида Утесова, на котором должны присутствовать главы иностранных государств и сам Л.П. Берия. Под подозрение попадает даже знаменитый композитор Дунаевский… Но майор Пронин оправдает невинных и выведет заговорщиков на чистую воду! Майор Пронин «даст джазу» врагам народа, разгадает шпионский гамбит и предотвратит покушение на Берию! Майор Пронин на страже государственной безопасности СССР!

© Замостьянов А. А.
© Яуза

Содержание

Пронин, майор Пронин… 5
Кузнецкий мост 7
Начало 9
Концерт для чекистов 12
Чайная церемония 16
Два эстонца 19
Дипломатическая личность 24
Шпионы тоже болтают 28
Папка для сибарита 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Арсений Замостьянов
Майор Пронин против врагов народа

Мы предлагаем вашему вниманию одно из потаенных дел самого известного литературного чекиста СССР. Писатель Лев Сергеевич Овалов передал нам материалы этого первого послевоенного подвига майора Пронина – рукопись, которую составил сам легендарный майор.

Светлой памяти замечательного советского писателя
Льва Сергеевича Овалова мы посвящаем эту книгу.
А.З., Е.М.

Пронин, майор Пронин…

Почти всю войну он провел в Прибалтике. И, конечно, не в кофейнях на узких улочках Риги и не на пляжах славного взморья… О подвигах разведчика майора Пронина вы, наверное, читали в романе Льва Овалова «Медная пуговица». В январе 1945-го прибалтийская миссия завершилась. Переместилась в область легенд, шпионских романов и учебников по истории разведки. Пронин впервые за четыре года прошелся по брусчатке Красной площади… Да, он зачем-то остановил автомобиль на площади Свердлова и отправился на главную площадь всего прогрессивного человечества. Василий Блаженный стоял в снежном тумане. Пронин посмотрел на припорошенный Мавзолей. Почетный караул на месте! Незыблем и спокоен. Главный пост победившей державы. Нет, еще не победившей. Побеждающей. Почти всех, кто похоронен здесь, у Кремлевской стены, Пронин знал лично. Ему жал руку Ленин. Дзержинский сделал из него чекиста. С Горьким он встречался на Капри, сопровождал писателя и в поездке на Беломорканал. Все это было как будто в другой жизни. До войны. Куранты на Спасской башне показывали без двенадцати восемь. В восемь пятнадцать Пронин должен быть на Лубянке, у генерала. Четыре года Пронин общался с Ковровым шифрограммами. И вот он снова пожмет руку командиру…

Пронин одет щеголевато: на нем твидовое пальто и меховое кепи. В Риге отличные портные! Сейчас он пройдет по улице Куйбышева. Эта пышная, нарядная улица стала за войну какой-то неприбранной. Ему необходимо пешком пройти по городу, который он защищал все эти годы в чужих краях. Редко ему доводилось говорить по-русски…

Протягивая пропуск охраннику, он пробурчал себе под нос: «Пронин, майор Пронин…»

Ковров сиял как начищенный тульский самовар. За войну он пополнел, но энергично выбежал из-за стола навстречу Пронину и улыбался, как двадцать пять лет назад, когда здесь, на Лубянке, праздновали победы над Деникиным и Колчаком.

– Ну, здравствуй, Иван Николаич! Немец ты наш!

Ковров обнимал и на все лады тормошил Пронина. Он сам заваривал чай, сам достал откуда-то коньяк, лимон, сушки и прыгал вокруг Пронина.

– Сколько же мы не виделись?

– С января сорок первого. Тогда я стал фельдфебелем Гашке.

– Своевременно, надо сказать… – Ковров не переставал улыбаться.

Коньяк уже темнел в тонких чайных стаканах. Они стоя выпили – без тоста. Просто встретились глаза, потом встретились стаканы – и без слов все было ясно.

Ковров уселся в кресло и показал на кресло Пронину.

– И как тебе Москва?

– Стоит родимая. И снегопады для нее снова важнее бомбежек…

Ковров снова наполнил стаканы.

– Давай за победу. Мы люди не суеверные. Теперь уже можно пить за победу. Знаешь, Иван Николаич, мне не верится, что прошло четыре года. Не четыре – сорок лет прошло! Все стало другим… Масштаб другой. Чувства, мысли, задачи… Все три раза поменялось. Вот тебе и четыре года.

– Ну, ты-то, товарищ Ковров, нисколько не поменялся. Может быть, не четыре года, а четыре дня? А я приехал из короткой командировки.

Ковров немного захмелел. Он уже в третий раз наполнил стаканы.

– Ты в Риге работал, как никто. Они не верили, что ты живым вернешься. Никто не верил, кроме меня! Ты по немцам прошелся как сто танков.

– Все мы воюем.

– Это точно. И наши мертвые.

Третий тост – не чокаясь.

Ковров знал про гибель Виктора Железнова – пронинского любимца. Генерал даже боялся назвать его имя в первом разговоре после разлуки. Захмелев, он быстро перескакивал с одной темы на другую:

– Ты, как всегда, гладко выбрит, хотя и с поезда. Как лорд английский! Они ведь теперь наши союзники.

Пронин усмехнулся:

– Да. А с недавних пор – еще и главные противники.

– О чем и речь. Немцы обречены. Мир делят три державы, и тут уж – кто кого переиграет. Кто возьмет Берлин. Кто кому силу покажет. Ты нам нужен на главном фронте. Нам нужны все английские и все американские следы в прибалтийском фашистском отребье. Ты и так уже нас хорошо сориентировал и по англичанам, и по американцам. А теперь пора возвращаться в контрразведку. Я тебе уже надоел со своим коньяком. Отдыхай от немцев, от меня, от латышей. Две недели отдыхай.

Кузнецкий мост

В те годы в мире было три великих сыщика: комиссар Мегрэ, Шерлок Холмс и майор Пронин. Но Холмс был уже глубоким стариком. Жил в Суссексе, в уединении, под наблюдением врачей. Комиссар Мегрэ отправился в Нью-Йорк, и никаких сведений о нем давненько не было. А Иван Николаевич Пронин возвратился в свою квартиру на Кузнецком Мосту. Туда, где на стене висит текинский ковер, украшенный старинными саблями и пистолетом. А еще – почерневшая от времени гитара, подарок цыганской певицы Ольги Васильевой, которую Пронин когда-то спас от неминуемой гибели.

В этой квартире всегда были открыты окна: Пронин жить не мог без сквозняка. Своя комнатка была у Агаши – экономки Пронина. Книжные полки, карта СССР… Гипсовый бюст Пушкина на письменном столе, каслинский бюст Сталина – на серванте.

В мягкой, застиранной домашней гимнастерке Пронин восседал на тахте, окруженный подушками. Он не спеша читал отчет капитана Кирия о последних операциях в Эстонии. Вчера был праздник – День Победы. А сегодня, 10 мая 1945 года, Пронин изучал биографию Каарела Таама – опасного диверсанта с балтийских берегов. Война майора Пронина продолжалась…

Рука потянулась к серебряной ручке подстаканника. Замечательный чай! Посылка из Китая! Пронин зевнул. Надоела ему эта Прибалтика… Там он работал в качестве немца и со скепсисом относился к советизации прибалтийских народов. Хотя среди латышей преданных товарищей он встречал немало. Да и эстонцы разные бывают… С этими мыслями Пронин провалился в сон. А потом проснулся от какого-то странного треска. Патефон! Он забыл его выключить, и теперь патефон шумел… Пронин нехотя встал, открыл крышку своего завидного His masters voice и поставил пластинку – запись оперы «Садко». Комнату заполнил бас Рейзена – ария Варяжского гостя. Пронин откинул голову назад и закрыл глаза – и полетел…

О скалы грозные дробятся с ревом волны,
И с белой пеной крутясь бегут назад,
Но тверды серые утесы…

Он долго не мог расслышать трель телефона. Да и не хотел к нему подходить. Но Агаша заглянула в кабинет и посмотрела с укоризной: звонят же! Пронин тяжело вздохнул, выключил патефон и поднял трубку на длинном проводе.

– Слушаю!

– Кирий тебе докладывал? – Это был Ковров.

– Он мне каждый день докладывает.

– Я про Таама, про этого Каарела. – Ковров нервничал.

Пронин устроился в кресле поудобнее.

– Про Таама докладывал. Завтра этого господина возьмут, послезавтра он будет у нас.

– Я тебя жду через тридцать минут.

Что-то стряслось. Может быть, ребята перекипели и Таам скрылся? Или погиб?

– Агаша, костюм!

Черная (а какая же еще?) «эмка» ждала Пронина на пустынном Кузнецком. Худощавый старик с прямой спиной стоял возле автомобиля.

– Здравствуй, Адам Константинович! – Так звали пронинского шофера, который еще до революции возил какого-то генерал-губернатора, а потом – еще в Петрограде – колдовал над автомобилем Дзержинского. С Прониным он работал пятнадцать лет – с перерывом на прибалтийскую отлучку чекиста.

– День добрый, Иван Николаевич! В последний раз вас повезу…

– Что такое? Не шути, еще и ты меня покинешь! – Пронин любил старого Адама, осторожного и обстоятельного шофера.

– Да уж так, Иван Николаевич. Дело понятное. Старею. Машина не слушает. Вроде как немым я становлюсь. Говорю ей, а она не слушает. Нужен ей помоложе кавалер.

Пронин пожал плечами и уселся на широком заднем сиденье. Рабочий день начинался прескверно.

Начало

В кабинетах начальников Пронин чувствовал себя по-крестьянски уверенно. Если генерал вызывает к себе на следующее утро после Дня Победы – значит, дело не терпит отлагательства. Пронин достал планшет и приготовился к серьезному разговору.

– Что, Иван Николаевич, как лейтенантик, с планшетом бегаешь? – улыбнулся Ковров.

Пронин пожал плечами и серьезно ответил:

– Это капитана Железнова планшет. Виктора.

Ковров встал. И продолжил разговор, прохаживаясь по кабинету:

– Сколько их, таких Железновых, мы потеряли. Счету нет. Долго еще война нам сниться будет. Только спать нынче не время. Прости, Иван Николаевич. – Ковров дотронулся до планшета. – Дело у меня к тебе уж больно серьезное.

– Слушаю вас.

Генерал резко повернулся к Пронину и пристально посмотрел ему в глаза. Потом подошел к столу и заглянул в какие-то записи. Снял очки, бросил их на бумаги.

– Получены сведения о действиях подпольной группировки бывших офицеров СС в Советском Союзе.

– Ишь ты! Неужели не всех еще выловили? – Пронин механически, с меланхолией в голосе задал вопрос, отлично понимая истинное положение дел.

– Не всех, товарищ Пронин, не всех. Потому и нас с тобой в архив списывать рано. Наши коллеги из таллинского управления, как ты знаешь, поймали одного мерзавца из банды Таама. Он многое рассказал. Готовился террористический акт – взрыв нашего танкера в эстонском порту. Два бывших офицера и четыре полицая были на подхвате. Руководитель – полковник Аугенталер. Ну, об этом эсэсовце ты слышал. – Ковров помрачнел. – Аугенталера не удалось взять живым, он погиб в перестрелке в дюнах. Ты понял, с кем был связан Таам? Все бумаги тебе передадут. По ним и сориентируешься в ситуации. Сразу скажу: это фанатики, непримиримые враги советской власти. Такие и на смерть пойдут, чтобы заставить нас дать слабину, испугаться. В Большой театр ходишь? Они тоже ходили. Готовили покушение на товарища Лемешева, певца нашего народного. На весь мир шуму было бы. А им это и надо. Вот с такими людьми тебе придется познакомиться, товарищ Пронин.

Генерал сделал жест, приглашающий собеседника к ответному слову. Пронин подождал, затем понимающе посмотрел на Коврова:

– Значит, через Таама надо будет выйти на группу Аугенталера? На тех, кто остался?

– Про Аугенталера нам известно, что он уже год как работал на английского папашу. Это было установлено и по твоим сведениям, дорогой фельдфебель Гашке… Немцев-то мы выловим. Ты нам англичан покажи. Предъяви.

Пронин поморщился:

– В темный лес посылаете… Сказали бы сразу – за какую ниточку дергать…

– Сначала посмотришь материалы… Потом привезут Таама, познакомишься, поговоришь… Дело непростое. За Лемешева нам всем бы головы поснимали. Неизвестно, может, у них и другие планы есть. Так что, считай, это дело теперь у тебя самое важное… Завтра же приступай, Иван Николаевич. А сегодня, уж извини, нам не до оперативной работы. Вечером в клубе выступает Леонид Утесов со своим оркестром, специально для чекистов. Все наши собираются.

Пронин приподнялся:

– Буду.

– Тогда – не прощаемся. – Ковров с улыбкой приподнялся.

Выйдя от генерала, Пронин заглянул в буфет. Взял большую чашку черного кофе и бутерброд с сулугуни. Не глядя проглотил крепкий кофе и заел его. На концерт хотелось как в тюрьму.

Проходя по Театральной площади к Петровке, Пронин обратил внимание на афишу Большого, где говорилось об уже прошедшем выступлении Лемешева.

«Диверсия на концерте с участием Лемешева – это серьезно. Словно пощечина общественности. Люди придут наслаждаться высокой культурой, а им… Толково придумано. Только вот кем? Да, Аугенталер больше не ходит по земле. Витька, держись, он и на том свете может кровь попортить. Свинья была порядочная. Умный, черт. Но мне уж ничего не скажет, это точно. Буду искать его следы. И сотрапезников. А они, несомненно, есть».

Возле ЦУМа какая-то машина, проезжая на большой скорости у самого парапета, прошлась колесами по весенней луже, обдав пешеходов брызгами. Послышались возмущенные голоса. Несколько капель попали и на китель Пронина. Он вспомнил утренний разговор со старым шофером…

«Эх, Адам Константинович, я уверен, ты за все сорок лет водительского стажа ни разу не обидел пешехода вот так беспардонно… Как теперь без него, без «автомобильного Адама»? В таком деле, если рядом будут сновать иностранные дипломаты, их порученцы, газетчики всякие… Помог бы мне живописный старец. Лучшие люди, зубры уходят на пенсию, уходят в Красную книгу… Впрочем, скоро и мне туда же». Пронин прибавил шаг и через несколько минут был на Кузнецком Мосту. Однако, задумавшись, прошел дальше, чем нужно, и очнулся от своих мыслей только у здания Художественного театра.

Агаши дома не было. «Верно, рыщет в поисках чего-нибудь повкуснее… С этим делом сейчас сложно. А пайка моего мало», – подумал Пронин. Он посмотрел на часы. До концерта еще есть время. Можно отдохнуть. Достал из книжного шкафа книгу. Это был томик Пушкина. Пронин нацепил на нос очки. Перелистав книгу, остановился на «Медном всаднике». «Приют убогого чухонца…» Описание петербургского наводнения взбодрило Пронина. «Элоранта… Элоранта… красиво звучит. Почти как у Пушкина… Дворец маркиза Элоранта… А ведь настоящий, не фантастический Элоранта, в камере на Лубянке! И верно, приют убогого чухонца…»

Агаша пришла и усадила Пронина обедать. Томик Пушкина остался на письменном столе.

– Понаоткрывали коммерческие магазины, а народу в них – уйма, – сообщила новость домработница, – вот, говорят, на Даниловском рынке скоро карточки отменят. Будем покупать в магазине икру и колбасу «Полтавскую».

– Да, Агаша, будем, если кто-то не постыдится есть эту колбасу. Хлеба ведь не всем еще хватает. А мне пайка вполне хватает. Проживу без «коммерческих» радостей.

– Ой, что вы, Иван Николаевич! Тут, я слыхала, в Питере накрыли банду, которая пирожками с человеческим мясом торговала.

– Ты, это, ерунды-то не болтай! На Центральном рынке, у Цветного бульвара, тоже всякое говорят. Так иных говорунов прямо к нам и ведут. После обеда приготовь-ка к выходу мой парадный костюм. Я иду на концерт вечером.

– Иван Николаевич, что за концерт-то?

– Леонида Утесова выступление. Специально для наших сотрудников – как паек с красной икрой и сгущенкой.

– Ах ты! Самого Утесова! – У Агаши загорелись глаза. – Вот уж кого я бы послушала! Люблю его голос. Может, и развязный немного, да уж какой веселый! Оденем вас, Иван Николаевич, чтоб не совестно было. Артисты – они все такие моднявые. Я Утесова во время войны видела, он после концерта на фронт ехал. Такой аккуратный, то в костюмчике, а потом в гимнастерочке, да при ремнях. До войны у нас ведь как ходили – подпоясался и вперед. Все суконн-

ное-посконное. Брюки раз в неделю отгладил – и хватит. Костюмы мешками сидели. А теперь – все в костюмах, как франты. И галстуки в тон пиджаку. Откуда что взялось! Брюки со стрелочками. Запонки серебряные, шляпы… От мужиков духами пахнет.

– У нас, Агаша, мода своя. Нам под чужую не надо рядиться. Помнишь, я своей Леночке жакетку от француженки Коко Шанель подарил?

– Вы, Иван Николаевич, просто чудо.

– Давай, Агаша, меньше слов и лести, больше дел. Итак, «жульен» из белых грибочков… Отменно. А грибочки-то где собирала?

– По Владимирке, в Петушках.

И все-таки даже непринужденный разговор с домработницей не унял тревогу Пронина. Настроение его приподнятым назвать было никак нельзя. Да и творчество Леонида Утесова никогда его особенно не воодушевляло. Эта уголовная тематика, потакание низменным чувствам. Хотя задор и смелость артиста, носившего когда-то фамилию Вайсбейн, вызывали исследовательский интерес. Пронин узнал об Утесове еще в начале тридцатых, когда услышал восторженные отзывы своих друзей о молодом певце. Тогда его действа назывались Теа-джазом и вся Москва напевала навязчивые легкие мелодии: «Пока, пока, уж ночь недалека!»

В темно-сером костюме, светлой сорочке и черных лаковых штиблетах Пронин вышел из подъезда. Черная «эмка» ждала его на привычном месте. Но Иван Николаевич почувствовал: что-то не так!

Концерт для чекистов

В салоне авто его ждал сюрприз. Вместо привычного Адама Константиновича Васильева к нему обернулся незнакомый молодой человек. А может быть, и немолодой. Этого Пронин в первый момент не разобрал. Лицо нового шофера было желтым и круглым. Узкие глаза, плоский широкий нос. Стриженые волосы – прямые и черные, как смоль. Пронин сразу приметил и толстую борцовскую шею. «Крепкий парень – видать, из охраны».

– Товарись Пронин, я вас новый софер, лейсенант Василий Могулов, – сообщило это лицо тонким голосом. Пронин от неожиданности потерял дар речи.

– Вас вести в клуб секистов? – спросил, выдержав паузу, шофер. Пронин все еще молчал.

– Я полусил прикас вести вас в клуб секистов. – Тонкий голос дрогнул. Пронин закрыл глаза и снова открыл их. Все было по-прежнему. Новый шофер с вопросительным выражением на лице смотрел на него, полуобернувшись со своего места.

– Да, – выдавил из себя Пронин. Машина тронулась с места. Легко и беззвучно.

– Секистов, – для чего-то повторил майор Пронин слово, сказанное новым шофером.

Всю дорогу он молча смотрел в смоляной затылок лейтенанта Могулова.

Подъехав к входу в здание, машина мягко остановилась.

Шофер, первым нарушив паузу, обернулся к своему пассажиру:

– Мы приехали, товарись майор.

– Как вас зовут? – спросил Пронин. Он еще не пришел в себя, и голос его звучал глухо и отрешенно.

– Лейсенант Василий Могулов, – повторил свои звание и имя шофер.

– Спасибо, Вася, – словно бы в полусне проговорил Пронин и вышел из автомобиля.

Он вошел в здание клуба, разделся и, не глядя ни на кого и ни с кем не здороваясь, прошел в клубный буфет, где заказал пятьдесят граммов коньяку «Двин», которые залпом выпил. Это была новейшая марка армянского коньяка десятилетней выдержки, выпущенная к Тегеранской конференции – как будто специально для Черчилля. В московских ресторанах он был редкостью, но в клубе чекистов «Двин» разливали еще с января, и Пронин успел оценить достоинства напитка, хотя раньше не пробовал пятидесятиградусных коньяков. «Хо-о-х». – Он задержал дыхание и с наслаждением выдохнул. Потом огляделся по сторонам, остановил взгляд на люстре и мысленно приказал себе успокоиться. Из буфета вышел подтянутым и улыбающимся.

Пронин вошел в зал и сел во втором ряду партера, рядом с генералом Ковровым.

– Ну, – повернулся к нему тот, – давненько не слыхали мы нашего джазмена. Говорят, у него были проблемы с идеологическим отделом Министерства культуры. Репертуар, как я слышал, после неких событий значительно сменился.

Пронин хмыкнул и пожал плечами.

– Что уж там говорить, даже название сменилось… Как он сам говорит: «Джаз-убежище для ветеранов джаза». Как вы думаете, товарищ генерал, посадят его как космополита?

Наступило молчание.

– Артистические сплетни, – вновь заговорил генерал, – любят некоторые саморекламу. Даже из отрицательных отзывов выжимают популярность. Им бы у нас поработать. Мигом поняли бы, что есть что. Что хорошо, а что – плохо. Но ты не подумай, я Утесова люблю. Душевен. О, начинается…

Вел концерт сам Утесов. Одет он был просто, в полувоенный мундир, обычные ботинки.

После обязательных официальных приветствий артист дал знак оркестру начинать концерт. «Дорога на Берлин». Задорная фронтовая песенка сразу завела зал. Как-никак, это была весна Победы!

Утесов вышел на авансцену:

– Товарищи чекисты! Мы с оркестрантами очень рады, что мы тут стоим, а вы все сидите.

В зале раздался смех. Кажется, все «сидельцы», кроме Пронина, рассмеялись. Но его передернуло от двусмысленности: «Вот ведь обормот. Фигляр». Пронин смотрел на сцену отсутствующим взглядом, не принимая звучавшую музыку.

Далее последовали любимые народом матросский вальс, песня о партизанской бороде, песня американского бомбардировщика.

Второе отделение было посвящено послевоенной жизни. Утесов исполнил новый вариант песенки о двух урканах, сбежавших с одесского кичмана:

Одесса, Одесса,
Давно все это было.
Теперь звучат мотивы уж не те.
Бандитские малины
Давно уж позабыты
И вытеснил кичманы новый быт…

А уж как Пронина резанула по мозгам песня-жалоба американского безработного! История просящего подаяние ветерана Второй мировой, которого изображал сам Утесов, показалась майору не слишком уместной. «У нас-то точно на каждом углу за десять и далее километров от Красной площади сидят инвалиды с гармошками, если руки остались целы», – подумал он.

Кто-то из молодых чекистов крикнул: «Бублички»!

Другой не соглашался: «Мишку-одессита»!

Все дальнейшее представление Пронин отсиживал с кислым видом, дежурно улыбаясь, когда генерал поворачивался к нему после очередной шутки Утесова. Автоматически хлопал в ладоши. У большинства зрителей интермедия о стадионе «Динамо» вызвала наибольшее воодушевление. Правда, называлась она странно: «Большая московская больница на 80 000 мест». Болельщики ликовали. Этот стадион, впрочем, действительно стал очень популярным – прошедшей зимой на нем проводился чемпионат по новому виду спорта – канадскому хоккею. Игра была быстрой, задорной, интригующей. Пронин и сам побывал на одном из матчей, где познакомился с тренером команды «Динамо» Чернышевым. А звали этого тренера, кажется, Аркадием Ивановичем. Да, именно так. Пронин удовлетворенно хмыкнул, убедившись в том, какая у него замечательная память.

На «бис» чекисты стали просить Утесова спеть блатные одесские песни. Он отказывался, кокетничал, потом вызвали на сцену начальника политотдела МУРа, который заявил о «клеймении безжалостным сатирическим наганом пережитков буржуазного преступного элемента». В другой день Пронин с удовольствием посмеялся бы над этими смелыми выходками, но не сегодня. Слишком свежа была рана от потери друга.

А рядом с ним генерал Ковров увлеченно подпевал Утесову:

«Ой, лимончики! Вы мои лимончики! Вы растете на моем балкончике…»

Несколько минут спустя Утесов на «бис» исполнял про кичман – со старыми словами: «С одесского кичмана Бежали два уркана. Бежали два уркана Та-и на волю? В Вапняровской малине Оне остановились Оне остановились атыдахну-у-у-ть!»

Пронин только вздыхал и тихо чертыхался. Хотя, помнится, эти куплеты Утесов исполнял и пред светлыми очами товарища Сталина, на встрече с папанинцами, еще до войны. И Витька был тогда живой… Пронину нравилось, как смешно Утесов меняет голос – то басит, то хрипит, то надрывается, как цыганка.

После того как оркестр завершил выступление одной из фронтовых песен, Пронин некоторое время устало сидел в кресле, прежде чем встать и уйти. Генерал Ковров, повеселевший, порозовевший и говорливый, покинул его.

«Еще и домой ехать с этим самоедом, – вспомнил Пронин своего нового шофера. – Кто же это устроил мне такой сюрприз? Ведь без предварительного знакомства, предупреждения даже… Впрочем, может быть, это Победа все спутала… Ну ладно, надо как-то сгладить впечатление от первой встречи».

Устало поднялся и поплелся в гардероб. Одевшись, он направился к выходу, еще за дверью разглядев одиноко маячившую рядом с авто фигуру водителя.

Пронин сел на переднее сиденье. Обычно он так не делал. Но ведь надо налаживать личные отношения. Особенно с теми, с кем придется часто встречаться. Шофер Василий Могулов дождался, пока Пронин закроет дверь, и нажал на газ.

– Домой, товарись майор?

– Домой. Только называйте теперь меня Иваном Николаевичем. Так все мои шоферы меня называли.

Лейтенант Могулов тихо повторил:

– Иван Николаевись… Есь, товарись майор… То есь Иван Николаевись!

Пронин внимательно посмотрел на водителя, не переставая удивляться его поведению. Но машину он вел с удивительной сноровкой. Такого умения со стороны молодого водителя обращаться со сложным техническим устройством Пронин не ожидал.

– Василий, а вы откуда родом?

– Я из Бурятии.

– А в Москве как очутились?

– Мой папа был лама, а я откасался быть ламой. Я скасал, сто религия – это обман. И усел ис дома в город. В Сибирь. Там усился в сколе, потом работал на саводе механиком. А потом война, я посел добровольсем. Стал танкистом. Потом снова усился…

«ЗИМ» мягко подкатил к подъезду и остановился точно напротив массивной двери.

– Ну, лейтенант Василий Могулов, прими мою благодарность. Утром к восьми часам нуль-нуль минутам приглашаю вас к себе на завтрак. Все, с кем я работаю, должны быть прежде всего представлены Агаше. Она у меня как «детектор» правды. Если ей человек нравится, значит, он чего-то стоит. Так что отнеситесь к этому приглашению серьезно. Потом поедем на работу.

– Есь прибыть на завтрак к восьми нуль-нуль, Иван Николаевись, – четко отрапортовал Василий.

Пронин вышел из салона и поднялся в квартиру. Настроение его несколько улучшилось. Новый шофер оказался понятливым. Да и в технике, кажется, разбирается. Самородок бурятский, да и только.

Агаша уже ждала майора Пронина в передней – взволнованная, с горящими глазами.

– Как Утесов, Иван Николаевич? Здорово было, весело? Вам понравилось его выступление?

– Понравилось, Агаша, понравилось, – не стал разочаровывать поклонницу артиста Пронин, – он же и за конферансье был, шутил, острил.

– Ах, вот ведь удача какая! Сам и конферировал… Посмотреть бы, хоть одним глазком… Сам Утесов!

– Посмотришь еще, Агаша, не завтра Утесов умрет. А теперь давай чаю и – спать!

Перед сном Пронин мысленно привел в порядок события прошедшего дня. «Прямо кавардак какой-то, а не день. Но вот он наконец закончился. Что ж, утро вечера мудренее. Завтра будут новости про этого эстонца. Если все сложится – скоро он будет в Москве… И уже

в полусне мелькала в памяти песенка: «Споем о боях, о старых друзьях, когда мы вернемся домой…». Привязчив все-таки этот одессит! Не певец, а банный лист.

Чайная церемония

Молодой чекист из Бурятии Василий Могулович Могулов, которому родители дали при рождении столь сложно выговариваемое по-русски имя, стоял около подъезда дома номер три по улице Кузнецкий Мост. На часах лейтенанта значилось без семи восемь.

Ровно через пять минут Василий нажал на кнопку звонка. Тут же консьерж отворил парадную дверь и указал водителю личной «эмки» товарища Пронина на дверь лифта. Когда тот вошел в лифт, консьерж, шедший за ним по пятам, сказал: «Нажмите кнопку номер два». После этого он закрыл дверцу лифта. Могулов поднялся на второй этаж, позвонил в дверь квартиры Пронина. На все действия у него ушли одна минута и сорок секунд. Через пятнадцать секунд дверь открылась. На пороге стояла немолодая женщина.

– Доброе утро, Васенька, – услышал бурят ласковое приветствие, – Иван Николаевич ждет вас в гостиной.

Войдя в холл, Василий осмотрелся.

– Одежду вешайте, милый, сюда, – направила его действия Агаша, – обувку ставьте вот сюда. У вас-то, в Чукотии, небось и не знают, что такое гардероб, – прямо в одеже и лезут в юрту?

– Он из Бурятии, товарищ старший сержант, а не с Чукотки, я же тебе говорил, – послышался в глубине квартиры голос Пронина, – не мучай шофера, веди в ванную, и тотчас же в гостиную! И обращайся к нему уважительно. Он старше тебя по званию… Нашла тоже мне юрту!

– Будет в точности исполнено, товарищ главный командир!

Василий был препровожден в сверкающую начищенной медью ванную комнату и тут же получил полотенце. Вымыв руки, он оказался в гостиной, где его ждал хозяин. Пронин был одет в китель и галифе, но из-под брюк виднелись домашние тапочки, похожие на музейные бахилы.

На белоснежной скатерти, покрывавшей стол, дымился самовар, стояли чашки и блюдца. В вазочках, расставленных по столу в художественном беспорядке, приметливый бурят увидел сахар и варенье из слив, вишен и, кажется, крыжовника.

– Проходите, – Пронин сделал приглашающий жест рукой, – чаек сами себе наливайте, хотите покрепче, как я, хотите – не очень.

Пронин заметил, как молодой шофер быстро сложил перед собой руки и резко вывернул их ладонями вперед, затем, соединив несколько пальцев обеих рук, сложил их около пупа.

– Благодарю хосяина этого дома, пусь покой и ссястье никогда не покидают его зилиссе. – Бурят почтительно поклонился.

Агаша, стоящая у двери, ведущей в столовую, ахнула и взмахнула руками.

– Эвона, какие вы церемонные!

Пронин тоже смутился и, пожимая плечами, проговорил:

– Да, будем попроще, Василий Могулович. Адам Константинович Васильев, которого вы заменили, был, конечно, тоже человек с великолепными манерами. У великого князя учился. Уж сколько раз он Агашу останавливал, когда она ему по простецки что-то говорила…

Василий Могулов аккуратно сел на гнутый венский стул.

– Не надо, Иван Николаевич, при новом-то человеке! – взмолилась Агаша.

– Ну ладно, ладно! Так, молодой человек, расскажите мне о себе подробнее. Кстати, вы ведь сюда на лифте ехали, не правда ли? – Пронин удобно расположился в кресле. – Наливайте чай-то, Василий.

Могулов налил в чашку крепкую заварку и посмотрел на самовар. Неуверенно подставил чашку под краник и повернул ручку. Потекла вода, и шофер облегченно вздохнул.

– Что, у вас в Бурятии чай иначе разливают? – спросил Пронин.

– Да, его греют прямо в тяйниках, у каздого гостя свой тяйник, а тяй растирают в поросок.

– Вот, Агаша, пример пережитка махрового индивидуализма. У каждого свой чайник! А если гостей – сотня?

– Тогда идут в гости со своими тяйниками, – серьезно ответил Василий.

– Знали бы об этом в Туле! – рассмеялся Пронин. – А ваша родина как зовется?

– Могойтуй.

Василий Могулов краем глаза рассматривал обстановку пронинской гостиной. Ковер, явно восточный, ручной работы. На ковре – восточные же сабли, два старинных пистолета. Рядом висит диковинная семиструнная гитара – память о давнишнем приключении. На другой стене – карта СССР. У стены, сбоку от окна, – письменный стол. На нем немного бумаг, книги, бюст Пушкина и лампа с абажуром. Бюст Сталина. Еще довоенный – без маршальских погон. Стеллажи с книгами, застекленный шкаф, тоже с книгами. На одной из полок, перед книгами, – портрет Виктора Железнова. Сделан в двадцатые годы. На шкафу – патефон. Остальное место занято диваном с роскошным покрывалом, креслом и обеденным столом.

Василий пил чай с вареньем, слушая рассуждения Ивана Николаевича о правилах русского чаепития.

– Чай в Россию ведь из Китая завезли. А нынче он у нас все больше индийский. Агаша вот, когда идет в магазин на Мясницкую, всегда спрашивает индийский чай. Бывает, конечно, и цейлонский, но я привык к индийскому горному чаю. Вы, Василий, обязательно обратите внимание на этот магазин. Улица Кирова, дом девятнадцать. Его называют «дом-пагода», и архитектура его, видимо, вам известна. Буддийские храмы так обычно выглядят.

Неожиданно Пронин перешел к теме японской чайной церемонии.

– А ведь что странно – заклятые враги могли принимать участие в этом сложном ритуале, и никто со стороны не догадался бы об их истинных отношениях. Вы, Василий, знакомы с правилами Пути Чая?

– Нет.

– Ну ладно, а вот скажите тогда, ведь ваш отец был буддийским священником? И каковы его социальные, так сказать, обязанности?

– Он очиссял людей и землю от злых духов.

– А с преступниками тоже имел дело?

– Конесно, имел.

– И как же он поступал с преступниками?

– По-расному. Чассе всего он читал им сутры.

– То есть?

– Если селовек был злодей, он читал особые молитвы и сутры, стобы тот осознал, сто Будда знает все его дела и мосет накасать или простить.

– А само наказание каким было?

– Отец не накасывал. Он просто читал сутры. Будда долсен был накасывать.

Пронин был очень удивлен. Он перегнулся через стол и спросил:

– А много он читал сутр?

– Осень много. Иногда несколько дней подряд читал. Иногда один день и одну нось.

– Вася, а вы при этом присутствовали?

– Несколько рас.

– И как все происходило?

– Ну, я видел, сто люди менялись сильно. Сначала селовек слушает невнимательно, нисего не понимает на санскрите, думает о своем. А потом насинает слушать хоросо. Он понимает. А потом он меняется сам. Когда отец видел, сто селовек усел от зла, он отпускал его.

– Как, неужели просто читал ему книжку, а потом отпускал с миром?

– Так.

– Интер-ресное дело, Василий. Очень, я вам скажу, забавное. А если человек снова возьмется за старое?

– Таких мало было.

– Но ведь были?

– Были. Но это усе не отец с ними говорил. Если такого ловили, его увосили в монастырь. А у нас такой селовек больше никогда не появлялся.

– Понятно.

Пронин удовлетворенно откинулся в кресле:

– Агаша, как тебе такие методы ведения процессов?

Домработница покачала головой. Она была поражена услышанным и возмущена.

– Как-то это совсем не строго… Этак книжки читать, так совсем безнаказанность процветать будет в стране! Преступника надо так наказать, чтоб неповадно было и ему впредь, и другим зло совершать. А тут церемонии какие-то разводят. Книги по три дня читают.

Пронин улыбнулся.

– Ладно. Пора нам нашу чайную церемонию завершать. Василий Могулович, едем-ка и мы изгонять зло из здешних заблудших душ. А ты, Агаша, заметь, книжка, которую читают преступникам, написана на непонятном для них языке!

Та изобразила нечто вроде жеста судьи в немой сцене из «Ревизора»: «Вот тебе, бабушка, и юркий в дверь!»

– И еще, Агаша, насыпь-ка мне в кулечек этого чаю, дипломатического, вьетнамского. Василий, вы ведь знаете, что до Лубянки отсюда ровным счетом пятьсот метров. Поэтому, чтобы замести следы, я еду к месту своей работы разными путями. Их около десятка, и каждый рассчитан ровно на пятнадцатиминутную проездку. За месяц, думаю, покажу вам все мои московские маршруты. Главные ориентиры на пути следования – драматические, а также оперные театры и церкви.

Первый маршрут пролегал мимо трех театров, трех монастырей и одной церкви – Николы в Звонарях. Всю недолгую дорогу к зданию на площади имени Дзержинского Пронин рассказывал шоферу о поездке писателя Льва Сергеевича Овалова в Ойратию в 1933 году, изредка спрашивая бурята, не напутал ли чего молодой тогда литератор. Судя по отзывам Могулова, писатель в Ойратии проявил и любознательность, и точное понимание местной культуры.

Пронин в который раз убедился, что не ошибся в Овалове.

– Надо будет вас познакомить. Лев Сергеевич очень обрадуется. Оч-чень.

Прибыли к месту назначения, и машина встала точно там, где ей положено было встать. Сантиметр в сантиметр.

– Спасибо, Василий. Прекрасное выдалось утро. Плодотворное, я бы сказал. Информационно насыщенное.

Василий Могулов кивнул Пронину и сказал тонким голосом:

– Иван Николаевись, расрешите садать один вопрос?

– Задавай.

– Как вы уснали, сто я ехал на лифте, а не шел по лестнице? Вы ведь сивете на втором этасе. Сасем селовеку ехать на лифте так мало?

– Вася, я не знаю, как вы поднимались, но я знаю нашего старого консьержа Федю. Любого незнакомого человека он провожает к лифту и сам закрывает за ним дверь. Всегда.

Пронин вышел из машины и исчез в дверях готического здания ЧК.

Два эстонца

Сам Иван Николаевич в свой кабинет добирался лестничной трусцой. Лифтов он не любил: замкнутое пространство, в котором всякое может случиться и ты сам себе не хозяин. Да и на физзарядку по утрам не было ни времени, ни желания. А лестница – это отличная разминка.

Дело в том, что ребята Кирия успешно захватили Таама. И привезли его в Москву не поездом, а с оказией на военном самолете. Поэтому он уже был на Лубянке, во внутренней тюрьме. Но сначала Пронин решил допросить одного из ближайших соратников Таама – Тыниса Элоранту. Выходить сразу на Таама было бы опрометчивостью…

Пронин поднялся в свой кабинет, ничуть не запыхавшись. Первым делом он вызвал дежурного и попросил принести кипяток. Поколдовал над заваркой. Затем стал листать толстую папку с делом. Выяснив что-то, приказал привести заключенного Элоранту.

Через несколько минут конвойный ввел в кабинет небритого светловолосого мужчину лет тридцати пяти. Лицо Элоранты – высокорослого детины – выражало тщательно скрываемый испуг.

Пронин встал и, приветливо улыбаясь подконвойному, приблизился к вошедшим.

– Свободны, – отпустил Пронин конвойного. – Проходите, товарищ дорогой. Садитесь.

Элоранта опасливо присел на краешек стула, косясь на стол, где уже стояли расставленные Прониным, два маленьких чайничка с ароматной заваркой, две фаянсовые чашки с блюдцами и тарелочка с баранками.

– Меня зовут Пронин. Иван Николаевич Пронин.

– Я знай-ю, гра-ажданин начальник.

– Это хорошо, что знаете. Вот, дайте-ка, я налью вам чайку. А откуда вы знаете, кто я?

Элоранта промолчал.

– Видите ли, у нас есть общие знакомые. Можно даже сказать, близкие знакомые. Правда, некоторые из них нас покинули. Души их, так сказать, пребывают в мире ином. Так что разговор у нас должен быть душевный. Другого и быть не может. Мы же с вами цивилизованные люди, не так ли? Вы верите в бессмертие души?

Элоранта удивленно кивнул. Пронин расплылся в улыбке:

– Тогда давайте знакомиться ближе. Расскажем друг другу о себе, а? Коротенько. Кто, откуда… У нас это называется – анкетные данные. У вас – черт голову сломит, досье, резюме, консоме… Я вот, например, крестьянский сын, как в пятнадцатом году на Первую империалистическую солдатом пошел, так с тех пор сапог и не снимаю. В шестнадцатом стал большевиком, с семнадцатого служу делу революции. Был ранен. Служу в ЧК с месяца основания комиссии. Воевал на Гражданской. Потом боролся с вредителями, ловил шпионов. Коллективизация, индустриализация – много было работы. Почти всю войну провел в тылу врага. В Прибалтике, в ваших краях. Жены не нажил, детей, кажется, тоже. Был у меня один друг – он мне как сын был. Погиб под Ригой. Погиб в сорок третьем, а похоронили только полгода назад. Фокус. Понятна вам моя биография? – Эстонец кивнул. – А теперь – откровенность за откровенность. Я вас слушаю. Чайку хлебните. Горло-то пересохло у вас, вижу.

Элоранта кашлянул, поправил волосы:

– Откровенность за откровенность – это возможно. Родился в Российской империи, в старом Таллине. Мой отец был, как вы говорите, частный собственник. Владелец модного ателье «Элоранта». У нас одевались самые видные люди города. Чистая пу-пплика. После семнадцатого всех тряхнуло. На отца теперь работали только двое портных. Я помогал ему по коммерческой части. А потом – советизация. Коллективизация. Национализация. То есть ваша

революция и ЧК. Отец ушел в Финляндию. Ваши у меня отняли дом, лавку. Немцы пришли – это стала моя власть. Она мне все вернула. Я ей и служил. Теперь попал к вам.

– Я ей и служил… – повторил Пронин. – Надеюсь, вы понимаете, что теперь вам нужно с нами сотрудничать. Нужно помогать нам. Вам это нужно. Вы теперь в этом заинтересованы. Лавки и ателье в Советском Союзе я вам не обещаю. Но могу обещать нечто более дорогое – жизнь. Да. Кстати, могу отправить вас на смерть – это мне проще простого. Но могу и гарантировать жизнь. Согласитесь, лавка в Таллине не стоит вашей жизни.

Элоранта молчал, нервно сжав губы. Голос Пронина звучал буднично, почти равнодушно.

– Вот вы сидите в нашей тюрьме. Заметьте, вас не пытают. Пытки у нас Лаврентий Павлович Берия еще до войны отменил. Это всем известно. Но вас били. – Пронин посмотрел на свой кулак. – Били знатно, хотя и аккуратно. Как говорится в одной русской поговорке: «Поколоти зайца – он спички научится зажигать».

Пронин приподнял указательный палец и ударил им о край стола.

– Так вот, вас били до вчерашнего вечера, не так ли?

Элоранта покорно кивнул.

– Это хорошо. Не то, что вас били, конечно. Это хорошо, что вы признаете, что со вчерашнего вечера вас не били. А знаете, почему вас не били? Это я, майор Пронин, запретил вас бить. Отныне вас никто и пальцем здесь не тронет. Ведь вы хоть и враг, но работать нам следует вместе.

– Не буду я с вами работать. Уж лучше бейте, – без особенной уверенности в голосе сказал Элоранта.

– Дудки. Спички я и сам могу зажигать. Будем работать вместе. А побои мы скоро вообще прекратим. Народ становится образованнее, сознательнее – теперь не плетка нужна, а убеждение. Мы ведь за правду, мы – коммунисты.

– Я вам не коммунист.

– Почему же? Вы слишком плохо о себе думаете. Тоска по справедливости живет в каждом человеке. Коллективизм, интернационализм, равенство. Вот наши прекрасные идеалы. Присмотритесь к себе – разве вы не коммунист?

– Видел я ваше равенство. – Элоранта скривил губы, перебирая в памяти свой тюремный опыт, рассказы старых зэков. – Бывший насильник и вор Рууд стал комиссаром и занимался до войны перераспределением собственности в Тартуском районе. Смею вас заверить, он не изменил свои привычки.

– А вы не путайте идею с реальностью. В церковь тоже не только святые ходили. Но вера в массах была. И Библия. Идеалы. Но была и инквизиция. Крестоносцы. Доносчики, палачи. Так и у нас. Не все такие же хорошие коммунисты, как мы с вами, Яак Элоранта. Некоторые совершенно не хотят, чтобы наши светлые идеалы стали реальностью. Например, фашисты. И они засылают к нам своих агентов, шпионов, сбивают с пути истинного слабоверящих.

Пронин развернулся, быстрыми шагами пересек комнату и что-то взял с полки. Потом сел в кресло. Стал внимательно наблюдать за реакцией заключенного.

– Но мы с вами сегодня не будем говорить о разведчиках и шпионах. И о беглых полицаях и офицерах СС тоже. Об этом мы поговорим в другой раз. Никуда это от нас не уйдет. А сегодня я вам почитаю вслух, а вы слушайте внимательно. Это Тургенев, наш великий писатель.

Пронин раскрыл книгу.

– «Записки охотника». Читали? Элоранта отрицательно покачал головой.

– Вот и просветитесь. Никогда не читать Тургенева – все равно что никогда не любить…

Пронин пролистал книгу.

– С чего начнем? «Хорь и Калиныч»? Нет, это потом. И «Бежин луг» – тоже. Вот. «Чертопханов и Недопюскин». Вещичка препотешная, да и русскую душу открывает ясно. Итак, Иван Сергеевич Тургенев.

Пронин читал с выражением, нараспев. Может быть, он подражал деревенскому церковному пономарю, которого слышал в детстве. Или – кому-нибудь из столичных актеров, за игрой которых майору нередко приходилось наблюдать в последние годы. Особенно выразительно читал он о чудачествах отца – помещика Чертопханова.

«По его понятиям, дворянину не следовало зависеть от купцов, горожан и тому подобных разбойников, как он выражался; он завел у себя всевозможные ремесла и мастерские: „и приличнее и дешевле“, говаривал он: „хозяйственный расчет“! С этой пагубной мыслью он до конца жизни не расстался; она-то его и разорила. Зато потешился! Ни в одной прихоти себе не отказывал».

Элоранта увидел в этой истории намек на свое мелкобуржуазное прошлое. «Впрочем, Советы-то в свое время выдвигали идею хозрасчета, НЭПа. На что же Пронин намекает?» – подумал он.

– «Между прочими выдумками соорудил он однажды, по собственным соображениям, такую огромную семейственную карету, что, несмотря на дружные усилия согнанных со всего села крестьянских лошадей, вместе с их владельцами, она на первом же косогоре завалилась и рассыпалась».

Элоранта оторопел: «Это он что же имеет в мыслях? Германию, которая подмяла под себя всю Европу? Или СССР с его идеей интернационализма? Или намекает на деятельность террористических групп? Мол, развалитесь, какая бы сила за вами ни стояла».

После знакомства с Элорантой можно было ручкаться и с Таамом. На Элоранте Пронин размялся, поймал вдохновение.

Таам был невысокого роста, седеющий брюнет с крючковатым носом и гордым взглядом офицера. «Какие они все же разные, эти эстонцы! А ведь маленький народ!» – подумал Пронин. Таама не били, он не походил на сломленного человека.

– Прошу садиться, Каарел Каарелович! Меня зовут Иван Николаевич Пронин. На каком языке вам удобнее общаться? На немецком или русском?

Таам молчал.

– Ну, побойтесь бога, мой друг, эстонского я не знаю, а переводчик в нашей беседе – лишний. Так что выбирайте.

В глазах Таама мелькнула какая-то мысль. Наконец, он переборол сомнения и произнес:

– Я учился в Петрогра-аде. Знаю по-русски.

Пронин всплеснул руками:

– Да у вас и акцента нет. Просто Малый театр с Александринкой. Вы знаете, меня всегда восхищали полиглоты. Искренне им завидую. Сам с горем пополам знаю немецкий. Ну, и несколько слов по-французски. Еще знаю татарские и грузинские ругательства, но это не в счет. А вот вы – эстонец. И прекрасно говорите что по-русски, что по-немецки. Простите за любопытство, но хотелось бы знать, какие еще языки вам ведомы?

Таам гордо повел плечами, присел на краешек стула. Пронин отметил: «Это – маленькая победа! Сели, так уж и поговорим».

– Я говорю по-английски.

– Вот! Вот это мне и нужно было знать! По-английски! Перспективный язык. Можно понимать сразу и англичан, и американцев, не считая канадцев с австралийцами. Именно эта сторона вашей биографии нас интересует.

Таам скрипуче хмыкнул. А Пронин продолжал:

– Наш общий друг Яак Элоранта – общительный парень. У нас с ним нашелся общий знакомый – генерал Тейлор. С ним всласть можно было наговориться по-английски. Но мне, по темноте своей, пришлось общаться с ним на смеси нижегородского с немецким.

– Меня не интересует Элоранта. Если вы думаете, что Каарел Таам станет вашим информатором – вы ошибаетесь. Я противник вашей власти.

– А вы и не можете ничего нового рассказать мне про генерала Тейлора. При всем желании не можете.

Пронин сунул руку в карман. Эх, неудобно копаться в кармане брюк, когда сидишь в мягком кресле…

– Хотите посмотреть, что у меня в кармане?

Таам всезнающе улыбнулся:

– Бить будете? Кастетом или рукояткой револьвера?

Пронин пожал плечами:

– При чем здесь револьвер? Со мной пистолет Коровина. Обыкновенный маленький «ТК». Но вас я с ним знакомить не собираюсь.

Пистолет Коровина был у Пронина с 26-го года. Он получил это произведение советских оружейников от Дзержинского, из первой партии коровинских пистолетов! Но Пронин крайне редко вынимал свое оружие из кобуры. Зато Пронин достал из кармана нечто, похожее на монетку, и со звоном бросил на стол. Таам вздрогнул:

– Вы?

– Я же представился. Иван Николаевич Пронин.

Таам перешел на шепот:

– Вы работаете на Тейлора?

– Вам это не положено знать. Отдыхайте, мой друг. И ждите приказаний.

Пронин встал и вышел из кабинета, предоставив Таама конвою.

Следующая встреча с Элорантой началась чаепитием. А потом Пронин читал через очки Тургенева… «Между прочими выдумками соорудил он однажды, по собственным соображениям, такую огромную семейственную карету, что, несмотря на дружные усилия согнанных со всего села крестьянских лошадей, вместе с их владельцами, она на первом же косогоре завалилась и рассыпалась».

Элоранта оторопел: «Это он что же имеет в мыслях? Германию, которая подмяла под себя всю Европу? Или СССР с его идеей интернационализма? Или намекает на деятельность террористических групп? Мол, развалитесь, какая бы сила за вами ни стояла».

– «Вздумал он также построить церковь, разумеется, сам, без помощи архитектора. Сжег целый лес на кирпичи, заложил фундамент огромный, хоть бы под губернский собор, вывел стены, начал сводить купол: купол упал. Он опять – купол опять обрушился; третий раз – купол рухнул в третий раз. Призадумался мой Еремей Лукич: дело, думает, не ладно… колдовство проклятое замешано… да вдруг и прикажи перепороть всех старых баб на деревне. Баб перепороли – а купол все-таки не свели… Каждый день, бывало, новую затею придумывал: то из лопуха суп варил, то лошадям хвосты стриг на картузы дворовым людям, то лен собирался крапивой заменить, свиней кормить грибами…»

Пронин читал, а враг народа Элоранта внимательно слушал, пытаясь понять, какой во всем этом резон. «Пороть будут. Крапивой. Голодом морить. Лошадиные хвосты какие-то».

Пронин угадал его мысли и, приподняв очки, прервал чтение:

– Думаете, я сейчас с вами играю, хитрю? Нет, просто я люблю чтение. Ничто так не успокаивает нервы, как чтение вслух. Желательно – из русской классики. Тургенев подходит лучше других. Есть в нем нечто идиллическое. А вы, наверное, предпочитаете другого рода литературу?

Элоранта кивнул.

– Газеты, спортивные журналы? – Пронин выдержал паузу.

– Совсекретные доносы и признания? Будет. Все это у нас еще будет. Подождите. В вашем положении нужно уметь терпеть и ждать. Вы баранки-то берите, не побрезгуйте… Может, привыкли к другим сластям к кофе? Могу эклеры заказать для вас из «Метрополя». Нет, честно, скажите только.

Элоранта смотрел на Пронина. Его спокойная, добродушная речь не предвещала ничего хорошего для нацистского пособника. Нет, Элоранта нисколько не сомневался в коварстве майора. А тот продолжал чтение:

– «Около того же времени повелел он всех подданных своих, для порядка и хозяйственного расчета, перенумеровать, и каждому на воротник нашить его нумер. При встрече с барином всяк, бывало, так уж и кричит: такой-то нумер идет! А барин отвечает ласково: Ступай с Богом!»

Элоранта снова насторожился. Это навело его на мысли о страшных северных советских лагерях для врагов народа. Там тоже люди жили под номерами.

Чтение продолжалось часа два с половиной. В конце рассказа говорилось о веселой попойке в доме Чертопханова-сына. Элоранте так понравилось ее живописное описание, что он даже съел пару баранок.

– Что ж, можно сказать, знакомство наше состоялось.

Пронин, закрыв книгу, откинулся в кресле.

– Не разочарованы?

Элоранта отрицательно помотал головой.

– Хорошо. Будем прощаться. До встречи, товарищ Элоранта.

В комнату вошел конвойный. Пронин кивнул ему и обыденным тоном сказал:

– Повежливее с ним, бить не надо.

А повернувшись к Элоранте, поклонился и добавил с нежнейшей улыбкой:

– До завтра, живодер!

В тишине лубянского кабинета эти слова прозвучали так зловеще, что все синяки, полученные в последние недели, заныли на теле Элоранты.

В камеру он возвращался озадаченный: «Что Пронин имел в виду под словом «живодер»? Намекал на показательный процесс? Что им известно? И, наконец, при чем тут Тургенев?»

После ухода задержанного Пронин, внутренне ликуя, поставил на полку томик Тургенева и допил чай. Поведение Элоранты его удовлетворяло вполне. Это был маленький человек, обиженный, слабый и даже не лишенный искренности. Словом, благодатный человеческий материал для задуманных им игр. Ковров слишком сурово охарактеризовал его как фанатика, способного пойти на смерть ради мести. «Этого совсем не трудно будет развернуть к лесу задом. Тут и Будда не понадобится. А, судя по имеющимся данным, Элоранта в террористической группе Аугенталера был не самым последним лицом. Что касается Таама… Для начала мне поможет медная пуговица, а там уж подумаем».

Спал в эту ночь Пронин спокойно. А вот эстонский коммерсант и диверсант Элоранта долго не мог уснуть на жестких лубянских нарах, пытаясь выговорить по-эстонски эти чертовы великорусские имена помещиков из тургеневского рассказа, которым его потчевал Пронин. Полночи вились над ним, словно два черных ворона, страшный и неуязвимый «Черт-топха-а-анов» и юркий, коварный «Нет-тошо-ю-юскинь». «Высечь надо всех баб! И тебя вместе с ними, гестаповский прихвостень!» – кричал первый, голос которого был удивительно похож на голос следователя Женько, который «аккуратно бил» Элоранту на допросах, опровергая тем самым всякие домыслы о продолжении пыточной политики советских внутренних органов. «Нумер нуль… Нумер нуль… Я покупаю тебя за тысячу немецких марок и три штуки английского полотна!» – настаивал второй, со смазливым лицом Аугенталера. Эсэсовец был похож на какого-то актера из американской мелодрамы с Мэри Пикфорд. Но ведь Аугенталер не может говорить – он мертв, мертв!

Шаги сменяющихся утром караульных разогнали этот шабаш, и Элоранта наконец уснул.

Дипломатическая личность

Разбудил Пронина телефонный звонок. Агаша взяла трубку и закричала, словно передавала сигнал тревоги:

– Иван Николаевич, вас!

И, перейдя на шепот, добавила:

– Ковров, генерал.

Майор Пронин прижал к уху черную трубку:

– Слушаю вас, товарищ генерал.

В ответ он услышал металлический голос шефа:

– Пронин, первым делом по прибытии на службу, будь у меня.

– Есть, – отчеканил столь же четко Пронин. На этом разговор и прекратился.

«Так, произошло что-то неординарное». Впрочем, настроение Пронину этот звонок не испортил. Утро было светлое и теплое, воздух свеж, чувствовалось приближение лета. Майор посмотрел в окно и залюбовался зеленеющими листьями городских лип. Потянулся всем телом до приятного хруста в костях.

Приняв прохладный душ, Пронин сел завтракать. Пошучивал, похваливая стряпню Агаши.

– Как тебе, Агашечка, кстати, мой новый шофер показался? – завел он разговор со своей домоправительницей.

– Ой, Иван Николаевич, глаза-то у него какие узенькие! А ну, он не разглядит чего? Аварию вам учудит?

Пронин налил в чашку крепкого чая. Дома он всегда пил из чашек, оставляя стаканы для службы.

– Нет, Агаша, он танкист. На «тридцатьчетверке» всю Германию проехал взад и вперед. Шестнадцать звездочек на корпусе своем привез обратно. Значит, шестнадцать «тигров» и «пантер» подстрелил в Европе. А глаза, хоть и не широки, да, видать, глубоки. Вот, помнишь, Агаша, Лев Сергеевич рассказывал нам, как он в Свердловске жил в коммуналке вместе с сыном китайского буржуазного лидера Чан Кайши? В те времена, кстати, у него были прогрессивные намерения.

– Это который от папаши сбежал?

– Да, как и наш Васятка. Только тот сбежал от капиталистической и милитаристской лжи, а наш – от лжи феодальной и религиозной. Так вот. Овалов, помнишь, нам расписывал способности Чана к механике. Мол, и учить не надо было парня – любая железка его сама слушала. Эти китайцы еще весь мир когда-нибудь завалят мануфактурой, дай им только срок. Ты, к примеру, знаешь, что каждый пятый человек на земле – китаец? Так-то! «Сталин и Мао слушают нас…» – Жаль, Утесов вчера эту песенку не исполнил.

– Ай, Иван Николаевич! Слушать, может, его железки и слушают, только уж больно узки глазки-то… А ну – не разглядит чего!

– Ты нам, Агаша, «интернационал» не круши!

– Фу ты, разве я против интернацьянала. Я все за вас волнуюсь.

– То-то же. Но Василия Могулыча не обижай. Впредь принимай его ласково и душевно. Корми сытно.

– Есть, товарищ майор!

После завтрака Пронин внимательно просмотрел утреннюю прессу. Поцокал языком, покачал головой, отложил «Правду» и «Известия» и стал одеваться.

В отличном настроении вышел из квартиры, сбежал по лестнице, козырнул консьержу и сел в авто.

– Поехали, Вася!

Устроившись удобно на сиденье, он многозначительно подмигнул шоферу. Могулов улыбнулся в ответ.

– А ведь гуманная эта религия – ваш буддизм! Можно даже сказать – культурная. Я бы кое-что взял на вооружение в целях улучшения нашей правоохранительной системы. Как вы на это смотрите, Василий?

Тот лукаво улыбнулся. Монголоидные глаза шофера превратились в совсем узенькие щелочки. Молча вывел авто на улицу. Маршрут следования на сей раз проходил мимо пяти театров, двух закрытых монастырей и одной церкви – Успения на Сретенском бульваре.

Ковров встретил Пронина с недовольным видом, даже стула не предложил:

– Что, Иван Николаевич, зазнался?

Пронин растерянно кивнул, не понимая, чего от него хочет командир. Но Ковров не был настроен шутить:

– Устроили там, видите ли, художественный театр. Читками занимаетесь, мать вашу. Литературой дореволюционной! А известно тебе, что вчера в Ташкенте взяли двоих бандеровцев при попытке…

Пронин продолжил фразу:

– …проведения террористического акта на Алайском рынке.

– Это, между прочим, самое людное место столицы советского Узбекистана. Товарищ Сталин лично высказал озабоченность по поводу нашей работы. Не умеем опережать террористов. Не умеем. В архив нам пора. А у нас знаешь, какой архив? – Ковров провел ладонью по горлу. – Пенсия, мемуары и рыбалка – не для контрразведчика! Форма отставки у нас одна… Наша партия сама, как ты знаешь, предоставит мертвым хоронить своих мертвецов – и вперед к новым победам!

– Спасибо, товарищ Ковров, за политинформацию и за урок Закона Божьего. Но я-то тут при чем? Мне никто не поручал гоняться по Средней Азии за украинскими националистами. Я работаю с Элорантой, навожу мосты… Я взял в оборот Таама.

– Мосты. Сукин сын, – Ковров прищурился. – Смотри, как бы твои мосты не сгорели. Через три недели в Союз прибывает Франц Малль – швейцарский дипломат. Смекаешь?

Пронин пожал плечами:

– Вы же знаете, я нейтралами не занимаюсь.

– Как коммунист, ты мог бы хоть немного разбираться во внешней политике! – Ковров подошел к карте и ткнул пальцем в район Тихого океана. – В мире идет разделение сфер влияния. Забыл, что Черчилль Гопкинсу две недели назад нашептал на ухо?

– Да нет, помню. – Пронин помрачнел. – «Железный занавес» перед нами хотят опустить – вот что он сказал. В Потсдаме он себя еще покажет.

– Точно! Теперь у нас две задачи: атомная бомба и ответный «занавес». Наши восточноевропейские друзья пока что с нами. Но уже начинают своевольничать. В Чехии – товарищ Готвальд, в Польше – Болеслав Берут, будто красна девица. Не говоря уж о югославе Тито, который сегодня друг, а завтра Кукрыниксы его кровавой собакой станут величать. С ними мы, конечно, разберемся по-нашему, по рабоче-крестьянски. Но общественный резонанс может быть сильнее, чем нам хочется. Нейтралы в такой обстановке ой как важны. К тому же этот Малль – большая шишка в западных политических кругах. Имеет большие полномочия, известен во всем мире. В Организации Объединенных Наций он займет важное место. Впервые такого уровня человек – к тому же не коммунист – приедет в СССР, проведет в нашей стране целый месяц, всю ее объедет!

Ковров кричал от волнения и рукой показывал, как этот швейцарец будет объезжать нашу страну.

– Он в газетах своих продажных уже понаплел, что хочет даже по нашим деревням захолустным проехаться! А еще – на советский курорт лыжный посмотреть! И ты хочешь сказать, что наши милые ребята из бывших эсэсовцев не воспользуются случаем, чтобы устроить скандал на весь мир? Например, теракт в Большом театре в присутствии Малля. Да что там в Большом – он за этот месяц побывает везде. В каком-нибудь передовом колхозе взорвется бочка навоза – и все! Провал! Крышка! Все мировые газеты закричат, что Советы не могут контролировать ситуацию в своей собственной стране. Оппозиция в Восточной Европе открыто восстанет, а Черчилль с Трумэном только того и ждут. И занавес закроется! «Железный занавес», Иван! Ты представляешь, сколько голов после этого покатится?

– Бочка, крышка… – мечтательно бормотал Пронин. – Все в дерьме, и тут выходит он – весь в белом… Ну, так приставьте к Маллю ребят из правительственной охраны. Они профессионально выполнят работу. Не таких охраняли в Ялте и Тегеране.

Ковров отвернулся:

– Эти меры мы и без твоих советов примем. Но для контрразведчика здесь тоже найдется работа. Есть мнение, что на Малля террористы налетят, как пчелы на мед. Твоя задача – прихлопнуть этот улей. К тому же учти, в крайнем случае, за Малля отвечать будут не только «ребята из охраны». В первую очередь отвечать будем мы. Причем головой. – Ковров выдержал паузу и продолжил куда мягче: – Но ты ведь, мой мальчик, работаешь не за страх, а за совесть. Я знаю.

Ивану Николаевичу сразу стало ясно, что Малль интересует начальство не из-за перестраховок, раскрыты неизвестные ранее факты и предстоит большая работа.

Пронин приосанился:

– Какие будут указания?

– Основное ты уже понял. – Ковров посмотрел Пронину в глаза. – Сейчас твоя основная работа – борьба с нацистскими преступниками. Через Эло… Как его, шельму? Через Элоранту ты должен выйти на тех, кто будет заниматься Маллем. Таама мы отпустить не сможем. Слишком многое на нем… Так что работай с ним в наших стенах. А Элоранта должен нас привести к диверсантам…

– А если таковых не будет? Что делать – липу придумывать? – поморщился Пронин.

– Понимаю твое беспокойство. Но здесь липа не понадобится. Они, как пить дать, займутся Маллем. Вот увидишь. Словом, дорогого гостя нужно встречать на уровне. С гидами. Вот ты, друг любезный, гидов и возглавишь. И чтобы от швейцарца этого – ни на шаг. Всю дорогу.

Пронин козырнул: «Слушаюсь!» и повернулся, чтобы выйти из кабинета. Но Ковров остановил его:

– Подожди. Я вот что хотел тебе сказать. У меня, сам знаешь, свои методы. Но если таким делом занимается майор Пронин, – я спокоен. Слышишь, майор Пронин? Тебе ведь могут даже звание маршала присвоить – для нас, для нашего дела, для партии ты навсегда останешься майором. Ведь это в контрразведке – самое охотничье звание.

«Сейчас обниматься полезет, подлец», – беззлобно подумал Пронин и оказался прав. Дипломатично стерпев начальственные излияния чувств, он вернулся в свой кабинет.

«Надо полагать, – размышлял Пронин, – что провал этого задания может вылиться для Коврова в нечто большее, нежели общественное порицание. Давно он так не нервничал».

Надо было проанализировать сложившуюся ситуацию. Три часа изучения материалов дела дали Пронину не много результатов. При взятии Аугенталера и его группы было захвачено не много документов – жалкая кучка. По-видимому, главная связная база осталась нетронутой.

«Значит, надо начинать почти с нуля. С Элоранты. Да и себя не забыть. Устрою-ка я на недельку-другую, пока швейцарец не приехал, сладкую жизнь себе и бедолаге угрофинну. Ситуация позволяет расслабиться».

Пронин достал блокнот, потом телефонный справочник московских учреждений, открыл раздел, в котором были указаны все московские рестораны, после чего стал быстро переписывать их телефоны в свой блокнот: «Прага», «Москва», «Националь», «Центральный», «Славянский базар»…

На следующее утро Пронин составлял меню, как заправский шеф-повар. Он обзванивал метрдотелей, выспрашивал, какие у них есть фирменные блюда, узнавал график работы лучших поваров и кондитеров… Его интересовала не только русская кухня, но и лучшие блюда европейских стран. Изысканные напитки… Десерты…

К обеду меню на неделю вперед было готово. Потом начались звонки в высшие инстанции для согласования коммерческих условий перевербовки агента, захваченного в Прибалтике. Вечером Пронину пришлось даже заехать в Кремль для согласования самых деликатных вопросов.

Наконец, можно было начинать оперативную работу по обработке грешной души Яака Элоранты.

Шпионы тоже болтают

Прошла неделя.

Они работали с Элорантой в том же кабинете. «Записки охотника» уже были прочитаны от корки до корки. Почили в бозе загадочный помещик Чертопханов и его жилец Недопюскин. Завершили круг земной жизни студент Авенир Сорокоумов, мельник Дмитрич и крепкий мужик Максим из рассказа «Смерть». Скончалась мученица Лукерья из «Живых мощей». Померли пациенты лекаря Трифона Иваныча из рассказа «Уездный лекарь». Утонул двенадцатилетний фантазер Павлуша из «Бежина луга»… «Да, удивительно умирают русские люди». Бренность жизни человеческой предстала перед Элорантой во всей своей неприглядной простоте. «Суета сует, и все – суета».

И вот теперь Пронин душевно рассказывал заключенному о своей боевой молодости. Элоранта привычно пил кофе, ел эклеры из «Праги» и курил. Пронин пил небольшими глотками кофе, улыбался и откровенничал. Он решил противопоставить смертоносной, хотя и искусной тине дореволюционной жизни жизнеутверждающую реальность социализма.

– Приказ Реввоенсовета был лаконичен. В духе Гражданской войны: «Все на борьбу с Юденичем!» У нас командиром был Афанасьев. Потом он стал комдивом. Настоящая его фамилия – Ованесов. Старый большевик из Тбилиси, с Авлабара. Это такой армянский район в старом Тифлисе. Не бывали? Куда до него чреву Парижа! Там крадут и торгуют даже под землей. Даже над землей… Получили мы приказ, ну и бросились на борьбу с Юденичем. За счастье всего трудового народа. Всех стран, между прочим! А Ованесову в первом же бою отрубило руку. Казачок какой-то лихой шашкой замахнулся – и все. Здравствуй, товарищ Ованесов, ты теперь инвалид!

Пронин невесело улыбнулся.

– Огневые были годы. Так Ованесов научился рубать шашкой левой рукой и стрелял в пуговицу с расстояния восемьдесят метров, хотя до этого правшой был. Не верите? Да вот те крест! Диалектически-материалистический крест! Время тогда такое было – лихое. Много появилось героев. Настоящих богатырей. По-армянски богатырь – «пехлеван» будет. Это мне Афанасьев рассказывал. Сергей Вартанович. Наш командир. А в Первую империалистическую он под началом Юденича бил турок на Кавказском фронте. И как о военном командире о Юдениче говорил только в превосходной степени. Только в превосходной! Время было такое. Ну, это вы уже поняли.

Элоранта пил кофе и с аппетитом жевал эклеры. С помощью этих пирожных да еще рассказов о героическом комдиве Ованесове Иван Николаевич надеялся вызвать вникшего в тонкости русской культуры Элоранту на откровенный разговор. Во время чтения он, правда, тоже баловал эстонца ресторанной едой. Но это была пища попроще: солянки, окрошки, биф а-ля Строганов, расстегаи с рыбой и грибами, судак-орли… Эклеры он приберег на десерт.

А еще, как говорится, для особо трудного случая, у Пронина был приготовлен патефон со специально подобранными пластинками. Тут и джаз, и памятная всем Марлен Дитрих – «Голубой ангел», цыганские романсы… Но был и Лемешев, Шаляпин, фронтовые песни… Самому Ивану Николаевичу особенно нравилась песня «Шумел сурово брянский лес» в исполнении Георгия Абрамова.

Сейчас Пронин раздумывал: стоит ли прокрутить для Элоранты эту пластинку или он занервничает, услышав песню, в которой поется об удачном партизанском налете на немецкий штаб?.. Тут ведь дело двояко может повернуться. И все расходы на угощение потенциально перевербованного агента окажутся пущенными на ветер. Может, лучше снова поставить Александра Вертинского – «Мадам, уже падают листья»? Или «В бананово-лимонном Сингапуре»? Историю эмигрантских скитаний и возвращения певца на Советскую Родину в сорок третьем

году он уже поведал внимательно слушавшему Элоранте. После некоторых раздумий Пронин выбрал песню Вертинского «Откровенный разговор».

– Да, товарищ Элоранта, так-то оно так, да только пора и вам что-нибудь мне, старику, рассказать. А то моя-то болтливость всем известна, а вот вы…

– Болтливость?

Элоранта прожевал очередное пирожное. С обращением «товарищ» бывший коммерсант уже свыкся.

– Разве у вас в управлении держат болтунофф? Я ви-ител фаш плакат с надписью «Полтун – на-хот-тка для шпий-она»…

– Ну а я – разве не находка для шпиона? С русской классикой вас познакомил, теперь вот к десертным меню лучших московских ресторанов приобщаю. Да, дорогой эстонский товарищ, мне за вас от начальства уже влетело.

– Как влет-тело, так и выл-летит, – неожиданно огрызнулся тот.

Пронин улыбнулся: его собеседник делал успехи. Вертинский в этот момент запел:

Чем ворчать и омрачать свидание,
Улыбнись и выслушай меня:
Человек без нового задания –
Все равно что спичка без огня.

Пронин улыбнулся и подхватил концовку песни:

И давай, запомним, друг мой милый,
Нынче мало Родину любить.
Надо, чтоб она тебя любила!
Ну, а это надо заслужить.

– Это хорошо, это по-нашему. Товарищ Вертинский положил на музыку стихи молодого советского поэта – Сергея Смирнова. Да я вас с ним познакомлю, он общительный парень. Фронтовик, между прочим. Как вам песенка?

Элоранта неопределенно хмыкнул.

– А по-моему – содержательно и боевито, – продолжал Пронин. – А ведь что он раньше пел? Помните? «Ах, где же вы, мой маленький креольчик?» Впрочем, тоже неплохо. Ведь маленький креольчик может и подрасти.

Пронин запел, жестикулируя, словно играет на рояле:

Мой маленький китайский колокольчик.
Капризный, как дитя, как песенка без слов.

– А нам с вами нужны слова. И хорошо бы – побольше нужных слов. Теперь я обязательно поставлю вам еще одну песню – мою любимую. Про войну. Кстати, у меня для вас приготовлен небольшой, но уютный домик в Валентиновке. Это такая небольшая подмосковная станция. Домик так себе – рубленый, с русской печкой. Ну, там личный колодец, хозяйство имеется. В хозяйстве и патефон найдется. Я вам пластинок подброшу. Там, конечно, безлюдно. Одиноко. Нет женского общества. Но у меня со времен моего унтер-офицерства в Прибалтике… Да-да, я ведь был унтером Гашке… Не слыхали о таком? Так вот, у меня осталась небольшая, но эффектная коллекция французских картинок… У гестаповских геноссе она пользовалась бешеным успехом. Поделюсь. И никто там не тронет нашего хорошего товарища, скажем, финна. И фамилия у него будет не Элоранта, а, к примеру, Валтонен. Товарищ Айно Валтонен.

Может быть, он будет даже личным другом товарища Рахья. Да что там Рахья, мы его с самим Отто Вильгельмовичем Куусиненом сведем. А что – какие наши годы? И у него будет чистый советский паспорт. И пенсион от государства. Каково? Пусть с меня за это погоны сорвут, а я это вам обещаю и этого добьюсь. Только услуга за услугу. Идет?

– Услуга?

– Именно. Налейте мне кофе, пожалуйста. И подробно опишите известную вам немецкую агентуру в Союзе. Но не только мертвецов, а и тех, кто жив и действует, у кого нос в табаке. Мне кажется, это хорошие условия. К тому же, надеюсь, вы понимаете, что ждет вас в противном случае… А ведь у нас научились готовить хороший кофе! А вы говорите – грядущий хам…

Элоранта поморщился:

– Ничего я такого не говорю… Дадите подумать? Неделю? Я мало информирован.

Пронин замахал на него руками:

– Да что вы думаете об этой ерунде, я вас про кофе спрашиваю! Амброзия! Пили вы что-нибудь подобное в Европе?

Эстонец отрицательно покачал головой.

– Вот то-то и оно. Не то что ваши гестаповские помои. А вы говорите – неделю подумать. Думайте неделю. Думайте две недели. В наше стремительное время думать стало почти что роскошью. А мы вам эту роскошь позволяем. Думайте.

Пронин сделал приглашающий жест рукой.

– Пейте наш абиссинский кофе, ешьте наши французские эклеры. Мало информации – это тоже информация.

Пронин протянул ему руку. Элоранта сделал ответный жест.

– Партнеры?

– Две недели, – подытожил Элоранта. Майор Пронин лучисто улыбался бывшему недругу.

– А вы знаете, в кафе гостиницы «Москва» готовят просто восхитительное сливочное мороженое. С вишнями… Я, пожалуй, закажу к нему на послезавтра бутылочку муската. Не поверите, но лучший в мире мускат делают в Крыму. «Мускат белый Красного камня». Его надо обязательно попробовать! Шедевр… А вы уж две недельки подумайте. Жаль, что не могу дать вам больше времени. У меня еще в запасе осталось немало рассказов о героях последних войн. Да и о себе мог бы рассказать подробнее. И о своей работе. Вам бы, уверен, было интересно. Ведь у нас очень нужная и важная работа. Она неплохо вознаграждается, потому что народ заинтересован в нашей работе. А это, прошу вас учесть, народ-победитель!

Оставшись в кабинете один, Пронин поставил на патефонный круг свою любимую пластинку, опустил иглу. И «Брянский лес» тотчас «зашумел». Эта песня ему напоминала об оккупированной Прибалтике, о недавних боях.

И сосны слышали окрест,
Как шли на немцев партизаны…

Папка для сибарита

Давно Пронин так не отдыхал. На родном диване, под присмотром верной Агаши. Немножко коньяку в шарообразной рюмке, газеты после сытного обеда и – сон, сколько угодно безмятежного сна. Именно в таком состоянии Пронина и осеняют мысли, которые он потом использует в оперативной работе. Сейчас эти мысли быстро улетучиваются, но Пронин знает, что в критический момент выручат именно они – случайные, обрывочные… Время проходит бесцельно – не успеешь вспомнить про соленые грибочки, как проходит день. Подцепишь грибочек на вилку – снова утро. И вновь спишь. Дневной сон тоже полезен.

Вот так и пройдут эти две недели. Элоранта, конечно, будет с нами сотрудничать, это бесспорно. Раз в два дня Пронин продолжал угощать потенциального агента едой из ресторана и рассказывать ему о своей революционной молодости. Аккуратно перешел к последующей совместной работе. Попутно описывал величие СССР, осилившего всех своих внешних и внутренних врагов. Эстонец совсем «осоветился». Смеялся, шутил по поводу своего буржуазно-коммерческого прошлого. Успешно усваивал новую для себя советскую лексику. Вникал в азы соцреализма. Слушал советские песни и даже стал подпевать вместе с Прониным. Особенно им удавались песни из кинофильма «Веселые ребята». Впрочем, суровых воинственных певцов Георгия Абрамова и Петра Киричека они пока не слушали…

Но Элоранта – это не фигура. Так, мелкий обыватель, силой обстоятельств ставший врагом. Такие враги не очень-то опасны, хотя Ковров, дай ему волю, расстрелял бы этого эстонца на месте. А ведь нужно расставлять сети для террористов высочайшего класса… Элоранта. Использовать Элоранту… Эти же слова Пронин повторял и под душем, не забывая громко отдавать команды Агаше:

– Полотенце! Халат! О-де-колонь!

После водных процедур он прекрасно отдыхал на диване. Лениво перелистывал книжки. Но вот в дверях кабинета появилась Агаша, сказав громким шепотом:

– К телефону. Ковров!

Пронин поморщился. Он прекрасно знал, чего от него хотят. «Рано, рано он звонит, ну, ладно, подойду». Оставляя мокрые следы на паркете, он пошел к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.